

ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

28—30 октября в Москве состоялось расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР совместно с активом, посвященное анализу научно-исследовательской работы Института и ее идеологической и практической направленности в интересах социалистического строительства.

Заседание открыл директор Института проф. С. П. Толстов, выступивший с докладом: «Научно-исследовательская работа Института этнографии АН СССР». Во вступительной части доклада С. П. Толстов осветил значение для развития советской науки сессии ВАСХНИЛ, состоявшейся в августе 1949 г., на которой было разгромлено реакционное идеалистическое дейсманистско-морганистское направление в биологической науке и одержало блестящую победу прогрессивное материалистическое мичуринское направление.

Как известно, сказал С. П. Толстов, Академия Наук СССР оказалась не на высоте в идеологической и теоретической борьбе против дейсманистско-морганистского направления в биологии. В своем постановлении от 26 августа и в письме к товарищу Сталину Президиум АН СССР вынужден был признать, что Академия не только не возглавила борьбу с этим реакционным буржуазным учением, но фактически оказывала ему поддержку, создавая благоприятные условия для деятельности представителей органистского направления. Президиум Академии Наук СССР признал свою ошибку и взял на себя обязательство обеспечить развитие передового мичуринского направления в биологии, поставленного на службу социалистическому строительству. Это решение Президиума имеет отношение не только к биологическим наукам, а касается в большей или меньшей степени всех участков научного фронта, так как во всех областях науки сейчас идет борьба между прогрессивным передовым учением марксизма-ленинизма и реакционными теориями современной буржуазной лженауки.

В особенности сильна эта борьба, подчеркнул докладчик, в области некоторых гуманитарных наук, где до настоящего времени не вполне изжиты низкопоклонство перед буржуазной зарубежной наукой, объективизм, дурной академизм, неумение остро, по-партийному, ставить насущные вопросы науки, неумение или нежелание бороться с враждебными течениями за рубежом и их отголосками в советской науке. Есть немало ученых, еще недавно выступавших на страницах советских изданий с реакционными теориями, отражающими влияние дореволюционной отечественной или современной зарубежной буржуазной науки; в частности, появлялись в печати и отголоски обанкротившихся антимарксистских теорий в области этнографии. Попытки пересадить на советскую почву реакционные учения буржуазных этнографических школ не всегда во-время получают отпор. Имеются элементы примиренческого отношения к подобным явлениям, своего рода «академической семейственности», нежелания затронуть и обидеть «почтенного ученого», вследствие чего не развивается должным образом большевицкая партийная критика, призванная двигать вперед советскую науку.

Поэтому следует считать, что биологическая дискуссия, ее выводы и решения, а также решения Президиума Академии Наук СССР по вопросам, связанным с биологической наукой, имеют прямое отношение также и к этнографии. Перед этнографами стоит задача проанализировать состояние своей научно-исследовательской работы, ее идеологическую направленность, ее связи с современностью, с нуждами социалистического строительства.

Далее докладчик сообщил ряд конкретных сведений, всесторонне характеризующих научный коллектив Института этнографии АН СССР, содержание и объем научно-исследовательских работ.

Реорганизованный в 1943 г. Институт этнографии АН СССР начал развертывать свою работу в тяжелых условиях последних лет Великой Отечественной войны. Блокада Ленинграда немецкими фашистами лишила Институт многих ценных специалистов. В результате неправильной линии прежнего руководства Института, почти совсем свернувшего исследовательскую работу, ряд ученых-этнографов еще в предвоенные годы отошел от этнографической науки. Институт стоял перед необходимостью выращивать новые кадры и заново развертывать научную работу. Успешно преодолев трудностей организационного периода, Институт в настоящее время представляет собой крупный научный коллектив, объединяющий (по Москве и Ленинграду в целом) 84 научных работника, в числе которых 15 докторов, 36 кандидатов наук и 33 младших научных сотрудника без ученой степени. Целым рядом сотрудников уже подготовлены кандидатские и докторские диссертации, которые в ближайшее время будут представлены к защите.

Партийная организация Института, насчитывавшая в 1943 г. 6 чел. в Москве и 4 чел. в Ленинграде, в настоящее время имеет в своем составе 36 коммунистов; если в первые годы существования Института партийная организация состояла главным образом из аспирантов, сейчас она имеет значительную прослойку научных работников со степенями докторов и кандидатов наук и, представляя собой сильное и авторитетное партийное ядро, играет ведущую роль в жизни Института.

Проведена большая работа по воспитанию кадров. Из 28 чел., окончивших за эти годы аспирантуру, 13 чел. оставлены при Институте и укрепили ряд секторов, нуждавшихся в научных кадрах. В настоящее время в Институте проходят курс аспирантуры 31 чел., в том числе 6 прикомандированных братскими национальными республиками.

Если в предвоенное время экспедиционные этнографические исследования почти полностью были свернуты и имели место лишь отдельные поездки с узкой целью сбора материалов для написания тех или иных этнографических статей, то сейчас Институт направляет в разные районы Советского Союза ежегодно в среднем 10—11 больших экспедиций и, кроме того, 10—12 чел. выезжают в научные командировки или включаются в состав экспедиций, организуемых республиканскими академиями, филиалами АН СССР и другими научно-исследовательскими учреждениями.

Результаты экспедиционных исследований и внутриинститутской исследовательской работы выражаются в напряженной научно-общественной жизни, в большом количестве научных докладов; так, в 1947 г. на заседаниях секторов Института было заслушано в общей сложности 156 докладов, на заседаниях Ученого Совета и его сессиях — 38, итого 194 научных доклада. За первое полугодие 1948 г. секторы заслушали 134 доклада, а Ученый Совет и его сессия — 54, итого 178, — почти столько же, сколько за весь прошлый год. Эти цифры свидетельствуют об очень важном процессе — о повышении активности научного коллектива Института.

Развивается также издательская работа Института этнографии. Начиная с 1946 г., Институт дал свыше 300 печ. листов научной продукции — журнала, сборников и монографий. В производстве находятся (частично уже подписаны к печати) 220 печ. листов. Всего, таким образом, Институтом издано и сдано в производство свыше 500 печ. листов продукции, что также свидетельствует о значительном повышении научной активности Института сравнительно с предвоенным периодом его существования.

На основании приведенных сведений можно сделать вывод об организации Института всех условий для успешного развития научно-исследовательской работы и реализации ее результатов через публикацию в изданиях Института. Созданы все предпосылки для того, чтобы коллектив Института мог выполнить ответственное задание, поставленное товарищем Сталиным перед советскими учеными, — в кратчайший срок опередить достижения буржуазной науки.

Далее С. П. Толстов остановился на основной теме доклада — вопросе об идейной направленности научных исследований Института. Он сообщил о проведении Институту большой теоретической работы по уточнению задач советской этнографической науки и методологии этнографических исследований, а также по разработке перспективного пятилетнего плана и годовых планов научных работ Института. Содержание этих программных документов свидетельствует о правильности намеченного пути. Однако на практике имеются отклонения от этого правильного курса: целый ряд серьезных недостатков в работе Института был вызван именно недооценкой рядом руководящих работников Института тех задач, которые поставлены перед ним пятилетним планом. В течение последнего месяца несколько комиссий, созданных партийной организацией и общественностью Института, изучали работу всех его секторов и отделов, просматривали их печатную и рукописную продукцию. Выводы этих комиссий во многом совпадают с выводами дирекции, расширяя и дополняя общую картину идеологического состояния научных исследований Института.

Один из главнейших недочетов идейно-теоретической работы Института состоит в недостаточном внимании к разработке марксистско-ленинского учения о первобытном обществе и проблем так называемой общей этнографии. Докладчик подчеркнул, что учение о первобытном обществе и о происхождении классов занимает весьма важное место в теории марксизма-ленинизма. С первых лет своей творческой революционной деятельности Маркс и Энгельс уделяли большое внимание проблеме истории первобытного общества. В. И. Ленин считал книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» одним из основных сочинений современного социализма. Со времени написания этой классической книги прошло много лет; в области науки о первобытном обществе накоплен новый грандиозный материал. Ход истории поставил перед нами ряд новых, не стоявших во времена Энгельса проблем, тесно связанных с правильным решением общих вопросов истории первобытного общества, как, например, вовлечение в социалистическое строительство народов нашей страны, сохранявших до революции черты патриархально-родового быта, или участие стоявших на этом уровне развития зарубежных народов в национально-освободительной борьбе. Актуальнейшее значение в нашей действительности имеет вопрос о роли пережитков родовых отношений в условиях классового общества, колониального режима и в условиях строительства социализма и т. д. Самим ходом истории перед этнографами поставлена задача дальнейшего творческого развития той основы, которая была заложена Марксом и Энгельсом и развита затем Лениным и Сталиным в области истории первобытного общества. Учитывая это, Институт этнографии и в своих производственных планах, и в руководящих статьях журнала «Советская этнография» акцентировал необходимость разработки проблем первобытного общества. Однако результаты не утешительны: на эту тему в журнале за три года напечатано всего 6 статей: в 1946 г. — статья С. П. Толстова о периодизации первобытного общества;

в 1947 г.—статья Д. А. Ольдерогге «Из истории семьи и брака» (о системе «лоболо») и работа М. О. Косвена об амазонках, содержащая богатейший материал, но лишенная теоретических выводов; в 1948 г.—две статьи М. О. Косвена: «Авункулат» и «Семейная община», заключающие в себе ряд спорных положений, как это выяснилось недавно на дискуссии о теоретических трудах проф. Косвена. В других изданиях Института статьи по данной тематике также немногочисленны. Это работы Блинова о ранних формах экономического обмена, Д. А. Ольдерогге о трехродовом союзе, М. О. Косвена «К проблеме группового брака» и «Обычай возвращения домой», Л. П. Потапова «К вопросу о патриархально-феодалных отношениях у кочевников» и Ю. М. Лихтенберг о системе родства на о. Рага. Вполне понятно, что при столь слабой активности в разработке теоретических вопросов общей этнографии оказалось возможным появление в печати таких книг, как изданная Ленинградским университетом «История первобытного общества» В. И. Равдоникаса, с ее глубоко ошибочными теоретическими построениями в целом ряде вопросов (в периодизации первобытного общества, трактовке межплеменных отношений, процессов развития идеологии — религии, языка, искусства и др.) и игнорированием приоритета русской, в первую очередь советской науки в разработке истории первобытного общества. Ценная собранная фактическим материалом и отдельными частными выводами книга Равдоникаса не выдерживает критики как советский учебник по истории первобытного общества. Значительная доля ответственности за этот факт ложится на Институт этнографии, не обеспечивший коллективной разработки основных вопросов истории и теории первобытного общества и своевременной критики ошибочных взглядов и построений, имеющихся в этой области в издаваемых самим Институтом трудах. Только что закончилось организованное Институтом обсуждение теоретических работ М. О. Косвена, который вынужден был принять ряд критических замечаний по поводу своих ошибок по отдельным вопросам истории и этнографии первобытного общества. Весьма значительные возражения вызвала также монография Д. А. Ольдерогге о так называемом «трехродовом союзе» и его статья «Из истории семьи и брака» — темы, связанные с диссертацией автора, до настоящего времени, кстати, не переработанной и не подготовленной к печати, что не дает возможности определить, преодолел ли он свои ошибочные взгляды.

Даже в тех случаях, когда теоретические ошибки авторов подвергались справедливой критике, Институт не всегда мог ожидать реальных результатов в виде новых статей на ту же тему, стоящих на более высоком уровне. Авторы, большей частью не возвращались больше к поставленным вопросам, других же авторов не находилось, и критика оказывалась, таким образом, бесплодной, вместо того чтобы, преодолевая недостатки, двигать вперед науку.

В своем пятилетнем плане Институт этнографии обязался подготовить два сборника, посвященные ряду вопросов теории первобытного общества; работа над ними идет недопустимо вяло. Необходимо преодолеть отставание и поставить на ближайшее время в центр внимания Института разработку теории марксистско-ленинского учения об обществе в применении к первобытно-общинной формации.

Вторым разделом работы Института этнографии, на котором остановился докладчик, были исследования в области этногенеза. Как считает С. П. Толстов, в этой области Институт добился больших успехов, издав одну монографию и 65 статей, освещающих проблемы этногенеза различных народов (из общего числа этих статей 18 посвящены славянским народам, 3 — финнам, 5 — тюркам Восточной Европы, 4 — народам Дальнего Востока, 10 — народам Сибири, 17 — народам Средней Азии, 1 — народам Кавказа, 2 — народам Передней Азии, 2 — Западной Европе и 4 — общим вопросам этногенеза). Следует признать, что в области этногенеза этнография стоит прочно на завоеванных советской наукой позициях, основанных на учении И. В. Сталина о нации и на лучших достижениях советской лингвистики — учении Н. Я. Марра. Широкий размах работы здесь сочетается с принципиально правильной постановкой актуальнейшей проблемы происхождения ряда народов, самый вопрос об истории которых стал возможным лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Третий, наиболее обширный раздел научных исследований Института — это работы описательно-этнографического характера. Центральная тема этого раздела — многотомное издание «Народы мира». Несмотря на огромную собирательскую работу, подготовку авторами значительной части статей для всех томов издания (кроме 1-го, вводного, «Классификация народов мира») и передачу одного из главных томов (Народы Сибири, ч. I) в издательство, — положение работ над многотомником нельзя признать удовлетворительным. Даже те тома, которые соответствующие секторы Института считают готовыми, в результате проверки оказывались незаконченными и требующими серьезной доработки. Так, том «Народы Австралии и Океании», представленный весной на утверждение Ученого Совета и дирекции, потребовал коренной переработки в связи с обнаруженными в некоторых статьях пережитками буржуазного объективизма, недостаточно последовательным историзмом в подходе к этнографическому материалу и неудачным описанием современного положения народов, которым посвящен данный том. Сейчас том, благодаря огромной работе над ним редактора и автора большинства статей проф. С. А. Токарева, близок к завершению в новом, исправленном варианте. Том «Народы Кавказа» также счи-

тался в основном подготовленным, но обсуждение его Ученым Советом Института, на которое были приглашены представители Академий союзных республик Кавказа и филиалов АН СССР, выявило ряд серьезных недостатков — отсутствие статей по истории и по этногенезу народов Кавказа, неудовлетворительное освещение их современной культуры и быта. Разумеется, все указанные серьезные ошибки и недочеты сектор Кавказа должен был обнаружить и выправить еще до представления тома на обсуждение Ученого Совета.

Еще хуже обстоит дело с томом «Народы Америки»; это — собрание не связанных друг с другом отдельных очерков без обобщающего введения; статьи написаны еще до войны, и хотя планы сектора в течение нескольких лет были насыщены всевозможными доработками тома, фактически почти никакой работы по этой линии не было сделано.

Томы «Народы Европейской части СССР» и «Народы зарубежной Европы» почти полностью написаны, статьи многократно обсуждались на заседаниях соответствующих секторов. И вместе с тем проверка показала, что большинство статей базируются на устаревшем материале, лишены необходимого исторического аспекта и не отражают основных установок нашей науки; вопросы современного быта плохо освещены. По мнению комиссии, изучавшей эти рукописи, том «Народы зарубежной Европы» требует решительной переработки. Таким образом, и над этими томами проведена еще недостаточная работа. Большинство статей многотомника свидетельствует о том, что у некоторых авторов теоретическое признание принципов советской этнографии еще не сочетается с умением практически применять эти принципы в работе.

В связи с этим С. П. Толстов перешел к особо волнующей коллектив проблеме научной работы — о месте и значении современности в этнографических исследованиях. За три года в изданиях Института было напечатано всего 8 статей, посвященных советскому периоду в этнографии народов нашей страны, из них лишь 3 (М. А. Сергеева — «Малые народы Севера в эпоху социализма», И. П. Лаврова — «Возрождение народного искусства» и Л. П. Потапова — «Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев») представляют собой серьезные исследования, прочие же являются заметками или предварительными публикациями. Приведенные цифры характеризуют недопустимое отставание в теоретической разработке одной из самых важных и актуальных проблем советской этнографии. Отчасти это объясняется тем, что недавно еще среди этнографов была распространена вредная тенденция считать, что этнография призвана исследовать лишь проблемы первобытного общества, а современный быт и культура народов не входят в ее компетенцию. Подобные взгляды излагались в выступлениях даже весьма авторитетных научных деятелей, например, академика В. В. Струве. Существует эта точка зрения и сейчас: например, небезизвестный фольклорист Пропп в Юбилейном сборнике Ленинградского университета, решив высказать свои личные взгляды на предмет этнографии, ограничил ее задачи изучением первобытного общества. С. П. Толстов с сожалением отметил, что был не так давно свидетелем выступления двух сотрудников Института этнографии — А. А. Попова и Л. Б. Панек, которые убежденно доказывали, что изучение современности не входит в задачи специалиста-этнографа. Таким образом, настроения, отражающие влияние чуждых теорий буржуазных этнографических школ, до сих пор не окончательно изжиты. Имеются также этнографы, которые хорошо сознают необходимость изучения современности, но тем не менее работать в этой области не умеют или не хотят.

В этом году руководство Института поставило в центр внимания исследователей и, в частности, экспедиционных работ изучение социалистической культуры и быта колхозов народов Советского Союза. Все экспедиции работали над этими вопросами, и институт намечает провести широкое обсуждение итогов исследований. Как считает докладчик, запланированное Институтом двухлетнее экспедиционное изучение быта национальных колхозов и работа над сборником, посвященным данной теме, обеспечит сдвиг в этой важнейшей области научной работы Института.

Докладчик отметил далее, что, несмотря на наличие в Институте большого коллектива сотрудников, изучающих народы колониальных и зависимых стран, современный быт этих народов, живущих в условиях жестокого империалистического гнета и растущего национально-освободительного движения, не получает освещения в трудах Института. Продукция в области этой тематики в изданиях Института за 3 года ограничивается лишь двумя статьями. Докладчик считает своевременным решительно поставить вопрос о том, что именно советские этнографы, изучающие десятки колониальных народов, лишь недавно выступивших на широкую историческую арену, должны заниматься наряду с историей прошлого этих народов проблемами их настоящего. Лишь переключившись на систематические и глубокие исследования современного быта как народов Советского Союза, так и народов зарубежных стран, коллектив Института сможет завершить на высоком теоретическом уровне подготовку статей для многотомника «Народы мира».

Переходя к кругу вопросов, связанных с историографией и постановкой критической работы в Институте, С. П. Толстов отметил успехи коллектива в области борьбы за приоритет русской дореволюционной и советской этнографической науки. Перечислив свыше 15 солидных статей в этой области, напечатанных за последние годы, он остановился на разборе некоторых теоретических ошибок, допущенных авторами указанных работ. Недостаточно критическое отношение к представителям рус-

ской науки прошлого, неумение различить среди них прогрессивные и реакционные течения приводило иногда авторов к тому, что именуется «теорией единого потока», — к ошибочным антимарксистским методам исследования культурного наследства, присущим также ряду литературоведов и фольклористов и беспощадно разгромленным советской критикой. Отдельные ошибки такого порядка имеются в историографических трудах М. О. Косвена — «Бахофен и русская наука», Н. Н. Степанова «Русское Географическое Общество и этнография», С. А. Токарева «Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку».

Большое место в своем докладе С. П. Толстов уделил осуществлению Институтом со всей остротой поставленной А. А. Ждановым перед работниками идеологического фронта во время философской дискуссии задачи беспощадной критики зарубежной буржуазной лженауки. Работа коллектива Института в этой области выразилась в целом ряде статей и рецензий в «Советской этнографии» (М. Г. Левина, Б. И. Шаревской, Н. А. Бутинова, Я. Я. Рогинского, М. О. Косвена, С. П. Толстова, И. И. Потехина, Г. Г. Стратановича и других), направленных против процветающих за рубежом новейших буржуазных реакционных теорий в этнографии. Все же число авторов, выступающих с критикой этих теорий, слишком ограничено, а других авторов не всегда удается привлечь из-за трудности переклочить их от объективистских рефератов о новых книгах, вышедших за рубежом, к созданию остро критических рецензий, проникнутых духом непримиримой борьбы с нашими врагами на идеологическом фронте. Особое значение имеет изучение научной продукции, выходящей в странах народной демократии. Получаемые нами польские, чешские и другие книги показывают тревожный факт широкого распространения в этих странах влияния реакционнейшей буржуазной школы функционализма. Необходимо путем серьезной постановки критической работы помочь ученым стран народной демократии освободиться от влияния англо-американской реакционной методологии.

Далее докладчик дал краткую характеристику состояния работы двух секторов Института — фольклорного и антропологии. В связи с крупными теоретическими ошибками руководителей этих секторов идеологическая направленность работы в области фольклора и антропологии была в 1948 г. объектом специальных обсуждений. В секторе фольклора долгое время ощущалось сильное влияние реакционной англо-американской функциональной школы, последователем которой был бывший заведующий сектором — проф. П. Г. Богатырев. Понадобилась длительная борьба и серьезные дискуссии, чтобы достигнуть перелома в работе и оздоровить атмосферу в секторе. Сектор антропологии, по квалификации и научной активности сотрудников, был одним из самых сильных секторов Института, проводил большую работу по линии борьбы с расизмом и в области использования антропологических материалов для решения проблем этногенеза. Однако сектор оставался в стороне от той борьбы, которая шла на биологическом фронте, хотя проблемы наследственности играют огромную роль в теоретических построениях антропологов. Ряд больших проблем советской антропологии, например, происхождение современного человека, проблема неандертальца — зашли в тупик из-за того, что наши антропологи не включились своевременно в борьбу за мичуринское учение и запутались в разоблаченной сейчас теории об эволюционном бесплодии специализированных форм. Бывший руководитель сектора проф. В. В. Бунак не только не сумел направить работу по правильному пути и отбросить свои собственные прошлые версманистско-морганистские заблуждения, но явился в известной мере тормозом для развития работы сектора, не прислушиваясь к мнению высококвалифицированного коллектива и противопоставляя ему свою, часто неверную, трактовку проблем. В частности, эти трудности работы сказались на подготовке монографии, посвященной антропологическому составу народов Европы, — коллективного труда сектора антропологии Института.

В заключение своего доклада С. П. Толстов высказал удовлетворение по поводу того, что самокритика становится методом повседневной работы Института и орудием подъема ее на новую, высшую ступень. По сравнению с 1946 и 1947 гг. в текущем году произошел перелом в числе и характере рецензий, критических статей и докладов сотрудников, по-большевистски принципиально и остро, невзирая на лица, критикующих недостатки новых книг, статей и исследований. Свидетельством оживленной работы в этой области являются несколько сессий Ученого совета, проведенных в этом году Институтом, и целый ряд заседаний секторов, посвященных критике как внутринститутских исследований, так и трудов посторонних Институту авторов, затрагивающих вопросы этнографии.

Подводя итоги своему докладу, проф. С. П. Толстов признал, что, хотя Институт этнографии стоит на правильном пути в отношении идеологической направленности своей научно-исследовательской работы, выполнение поставленных перед ним задач не всегда стоит на должной теоретической высоте; в составе коллектива есть еще много людей, не сумевших освоить новые идеологические позиции, до конца осознать и воплотить в жизнь основные принципы советской этнографической науки, что влечет за собой отставание научной работы Института в ряде важных ее разделов и вызывает появление на страницах изданий Института отдельных ошибочных теоретических положений. Докладчик выразил уверенность, что предстоящее обсуждение затронутых им вопросов поможет изжить недостатки и обеспечит проведение всей работы Института этнографии на уровне высоких задач, поставленных перед ним партией и правительством.

* * *

После С. П. Толстова выступил заместитель директора Института этнографии проф. Л. П. Потапов. Он присоединился к основным положениям заслушанного доклада, подчеркнув правильность общего направления научно-исследовательской работы Института и согласившись с С. П. Толстовым в оценке главных недостатков этой работы. Не представляя сомнений факт значительного роста за последние годы Института этнографии, ликвидировавшего теоретический разброд и влияния буржуазной реакционной этнографии, характерные для этнографической науки в сравнительно недавнем прошлом. Сейчас Институт этнографии становится головным академическим институтом, успешно осуществляющим руководство этнографическим фронтом советской науки. Далее Л. П. Потапов остановился на состоянии научной работы ленинградской части коллектива Института, в первую очередь на работе Музея Антропологии и Этнографии. Руководство Института не уделяет достаточного внимания экспозиции Музея, которая привлекает десятки тысяч посетителей. (Директор Музея Н. А. Кисляков не справляется с возложенными на него обязанностями.) Необходимо при участии всего научного коллектива обсудить вопросы структуры Музея и содержания его экспозиции. Идейное содержание экспозиции имеет не меньшее значение, чем печатная продукция Института, так как это одна из форм общения с широкими массами, требующая большого внимания и обеспеченности от идейно-теоретических ошибок.

Затем Л. П. Потапов дополнил речь предыдущего докладчика примерами теоретических недостатков в работах отдельных сотрудников Института. С большим трудом перестраивает сейчас свою работу А. А. Попов, труды которого всегда отличались эмпиризмом — стремлением ограничиться чистым описанием этнографических явлений и избежать каких бы то ни было научных обобщений. Институт имеет в своем составе члена-корреспондента АН СССР, специалиста по этнографии славянских народов, Д. К. Зеленина. Несмотря на слабость Славяно-русского сектора Института по линии квалифицированных кадров, Д. К. Зеленин, большой эрудит и опытный полевой работник, не проявляет никакого интереса к работе своего сектора и не принимает в ней участия, даже не посещая его заседаний. За ним числятся по плану Института две крупные монографии, но обе эти монографии — о чехословаках и о поляках — получили отрицательные отзывы и не могут быть изданы: автор выявил в них свою теоретическую отсталость. Руководство Института не удовлетворяют работы Г. М. Василевич, опытного этнографа и полевого исследователя; к сожалению, т. Василевич держит под спудом свой первоклассный этнографический материал, увлекаясь лингвистическими исследованиями, в которых немало методологических ошибок, в частности — формализма. В заключение Л. П. Потапов высказал опасения по поводу подготовки проспектов статей для теоретических сборников, посвященных проблемам первобытного общества; в конце года по плану, проспекты этих статей должны быть поставлены на обсуждение, но, как показала проверка, многие авторы еще не приступили к этой работе.

Выступивший затем проф. П. И. Кушнер подверг критике работу секторов Кавказа и зарубежной Европы. При изучении статей, подготовленных для Кавказского тома издания «Народы мира», П. И. Кушнер оказался неудовлетворенным трактовкой вопросов современной этнографии народов Кавказа. Современная национальная культура весьма сложна, наряду с новыми формами культурных явлений в ней бытуют и старые, сохранившиеся часто в виде пережитков. Наблюдая эти явления, многие авторы статей Кавказского тома отмечают лишь старые формы культуры и в новых ее формах ищут прежде всего пережитки старого. Между тем, в таких явлениях современности, как, например, праздники, несмотря на старинный ритуал, в корне изменилось содержание, исчезли элементы магии, религиозные моменты. Но некоторые наши этнографы не замечают нового содержания в современных формах национальной культуры, впадая при этом и в другую ошибку: чтобы избежать обвинения в искажениях современного быта, все явления пережиточного характера описывают в прошедшем времени, хотя бы автор и наблюдал их сейчас, во время своих полевых работ. Заслуживает внимания крупная этнографическая проблема, всплывшая в связи с работой над томом, — вопрос о консолидации национальностей в условиях советского строя. Эта проблема требует серьезного научного исследования. В особенности ярко проявляется такая консолидация племен, отдельных этнических групп и мелких народностей в Дагестане. В своих замечаниях к тому «Зарубежной Европы» П. И. Кушнер подчеркнул необходимость подготовки кадров по данной специальности.

М. Я. Салманович в своем выступлении также остановилась на трудностях подготовки статей для тома «Зарубежной Европы», предлагая развернуть специальную исследовательскую работу по изучению проблем, связанных с написанием тома. Затем она охарактеризовала достижения Сектора этнической статистики и картографии в работе над картой Зап. Европы, в области методологии установления этнических границ и анализа зарубежных переписей.

В. И. Чичеров основную часть своего выступления посвящает характеристике некорректного отношения к научным традициям — ошибке, допускавшейся многими авторами из среды коллектива Института, в том числе и самим В. И. Чичеровым, в особенности в историографических работах. Необходимо преодолеть традиционные схемы старой либерально-буржуазной историографии и покончить с беспристрастным «академизмом», еще имеющим место в историографии нашей науки.

И. Ф. Симоненко выступил с критикой работы Славяно-русского сектора Института, наиболее отстающего и, по его мнению, стоящего на последнем месте среди других секторов. В плохом состоянии находится работа над монографией «Восточные славяне», большая часть статей для которой числится за внеинститутскими авторами, не связанными с Институтом твердыми договорными условиями. Статьи сотрудников Института гг. Лепер и Торэн, написанные для указанной монографии, не выдерживают критики, в них совершенно игнорируется период социалистического строительства и те изменения, которые произошли за годы советской власти в мировоззрении народа; при освещении же этого мировоззрения в прошлом допускаются грубые ошибки. В статье о сельском хозяйстве восточных славян не только нет характеристики советского периода, но отсутствуют также данные о капиталистическом развитии деревни, столь блестящий анализ которого дал в своих трудах В. И. Ленин. В экспедиционной работе сектора основным problemom является также недостаточное внимание к проблемам современного колхозного быта; кроме того, в ряде случаев отсутствовала связь экспедиции с местными партийными организациями. Тов. Симоненко предложил вменить в обязанность всем экспедициям Института по окончании работы делать на местах отчеты об итогах исследований; такие отчеты помогают местным организациям правильно направить агитационно-пропагандистскую и культурно-массовую работу.

Следующим выступил С. М. Абрамзон, посвятивший всю свою речь проблеме этнографического изучения современности. Он указал, что в этом вопросе мы находимся в полосе исканий, нащупывания путей и накопления опыта; от выработки правильных научных методов изучения явлений современности зависит успешное решение этой ответственной задачи, впервые поставленной перед этнографами еще 10 лет назад, но до сих пор должным образом не реализованной. Тов. Абрамзон признал, что в своей программе по этнографическому изучению Киргизии, составленной в 1945 г., он ориентирует в основном на собирание и фиксацию старого быта, так как для него многое было неясно в постановке вопросов изучения современности. В его книге, посвященной культуре киргизского народа, вышедшей в 1946 г., как теперь это ясно автору, освещение вопросов современной культуры киргизов страдает схематизмом, недостатком глубины, не всегда удовлетворительными обобщениями и, местами, снисходительным отношением к отдельным вредным пережиткам старого быта; это объясняется тем, что книга — один из первых опытов характеристики современности с применением этнографического метода. Поездка в 1948 г. в Киргизию с заданием изучения культуры и быта колхозов убедила т. Абрамзона в ценности и необходимости этой работы, ее непосредственной пользе для дела социалистического строительства. Однако у тов. Абрамзона имеются сомнения в правильности установки на монографическое изучение колхоза, требующее стационарной работы, не всегда возможной по условиям экспедиции, и изучения таких специальных вопросов, как экономика, агротехника, организация труда и т. д., — для которых этнограф не имеет соответствующей подготовки. Тов. Абрамзон предлагает в качестве основного метода работы в этой области тематическое изучение; так, например, распространенное на все экспедиции задание изучения современной одежды или форм брака, на его взгляд, дало бы возможность собрать материал для строго научных выводов и обобщений. Опыт тематического изучения в текущем году современных семейно-брачных отношений у киргизов, продолжающего исследование этих отношений в дореволюционном прошлом, представляет значительный интерес, позволяя проследить изменения в этой области, происшедшие за последние десятилетия. По мнению С. А. Абрамзона, центром внимания этнографа при изучении современности должны быть вредные пережитки патриархально-родовых и феодальных отношений, их роль в семейной и общественной жизни, борьба между отдельными, отживающими формами быта и сознания и преодолевающими их новыми явлениями советской действительности. Никто лучше этнографов не сможет научно исследовать и объяснить эти пережиточные явления и помочь руководящим организациям и советской общественности вести успешную борьбу с отсталостью, с рядом обычаев, тормозящих социалистическое переустройство культуры и быта.

Взявший затем слово Н. Н. Чебоксаров остановился главным образом на вопросе подготовки западноевропейского тома «Народы мира». По его мнению, часть статей для этого тома, написанных во время войны квалифицированными сотрудниками-этнографами, вполне удовлетворительна, хотя требует дополнений, в особенности значительных по странам Центральной или Восточной Европы, где восторжествовала народная демократия и на наших глазах создаются новые формы хозяйства, культуры и быта. Другая группа статей выполнена молодыми авторами, главным образом аспирантами, и действительно страдает некорректным подходом к данным зарубежной литературы и недостаточным использованием косвенных этнографических источников — газет, журналов, художественной литературы. Третья группа статей,—

заказанных в Институте специалистами, лишь недавно стала поступать в редакцию тома и пока получает положительную оценку. Говоря о работе Славяно-русского сектора, Н. Н. Чебоксаров указал на неудовлетворительность монографии «Восточные славяне», большинство материалов которой относятся к XIX в. и не соответствуют задаче показать процесс формирования современной культуры восточных славян и их богатой, многокрасочной и яркой культуры в наши дни. Руководитель сектора проф. В. В. Богданов на плохие статьи, например, тт. Лепер и Торэн, дает положительные отзывы, а его собственные статьи совершенно не отражают современного быта восточных славян. Остановившись на работе Сектора антропологии, т. Чебоксаров указал, что, достигнув положительных результатов в использовании антропологического материала в качестве источника для решения проблем этногенеза, антропологи Института самоустранились от разработки ряда других актуальных проблем, в особенности вопросов, связанных с механизмом расообразования, причинами возникновения тех или иных антропологических типов. Крупными недостатками страдают статьи, подготовленные коллективом Института для монографии, посвященной антропологическому составу зарубежной Европы. Они трудно сопоставимы, иногда различаются по принципиальным методическим приемам, во многих случаях, как, например, статья П. Н. Башкирова, носят чисто описательный характер.

Проф. М. О. Косвен выступил с критикой постановки методологической работы в Институте. Он подчеркнул обязательность полевой этнографической работы, необходимой не только для сбора материалов, но и для теоретического и политического понимания фактов; между тем, в Институте бывали случаи защиты диссертаций молодыми этнографами, никогда не бывавшими в экспедициях. В то же время, отметил он, существует обратное явление — некоторые этнографы с многолетним полевым стажем, накопившие ценный материал, не выступают с ним в печати, что доказывает их неумение научно обработать и теоретически обобщить этот материал. Теоретическая группа общей этнографии Института, начав свою деятельность с обсуждения больших проблем (экзогамия), в последнее время снизила свои интересы до неактуальных тем. Между тем, в этой группе должны планомерно обсуждаться теоретические проблемы каждого сектора. Весьма важно обсудить, например, в связи с перестройкой работы Сектора фольклора вопрос о задачах и месте фольклора в этнографии или проблемы происходящего сейчас в Дагестане процесса консолидации в нацию десятков отдельных племен. Наряду с обсуждением теоретических планов секторов весьма желательно устроить творческий смотр работ отдельных сотрудников, подобно тому как это принято у писателей. Но прежде всего Институту следует организовать дискуссии по серьезным теоретическим проблемам, как, например, по вопросам матриархата, поскольку выяснилось, что в коллективе имеются радикальные расхождения в понимании сущности таких коренных вопросов общей этнографии.

Г. Г. Стратанович считает, что С. П. Толстов, наметив исключительную по размаху программу этнографических исследований, недоучитывает силы коллектива; затянущаяся работа над многотомником не дает возможности сотрудникам сосредоточиться на разработке теоретических вопросов. У ленинградской части коллектива, кроме того, много времени занимает музейная работа, в которой московские этнографы не принимают участия, между тем в этой области, как и везде, коллектив должен выступать объединенно. Хотя Институт в целом ведет работу в правильном и нужном направлении, его задачи не ясны широким массам и не популярны. Следует точнее определить предмет и метод этнографии; существующее определение С. П. Толстова не может удовлетворить рядового читателя. Кроме того, необходимо уточнить основную терминологию (народность, народ и пр.).

Н. А. Бутинов в своем выступлении высказал удовлетворение по поводу поворота этнографической науки к изучению современности и повышению внимания к теоретической работе. Он указал, что до сих пор еще имеются этнографы, рассматривающие изучение социалистического строительства как «дань времени» и «привесок» к этнографии; отрыв этнографии от современности характерен, между прочим, для кафедры этнографии Ленинградского университета, так же как эмпирические труды без обобщений и выводов. Далее т. Бутинов заявил, что если с организационным руководством в Институте дело обстоит благополучно, то в теоретическом руководстве имеются недостатки, доказательством чего, в первую очередь, является нечеткость определения и неясность предмета советской этнографии, о которых уже высказывался т. Стратанович, а также те теоретические разногласия (в частности, по вопросу о сущности матриархата), которые выявились в процессе обсуждения статей М. О. Косвена. Тов. Бутинов возражал против определения советской этнографии как «исторической этнографии», основной особенностью которой, согласно определению С. П. Толстова, является последовательный историзм. По мнению т. Бутинова, внесение элементов конкретной истории и хронологии в область этнографической науки не всегда возможно. Ему не понятно, каким путем С. П. Толстов мыслит высчитать даты возникновения у того или другого народа явлений тотемизма, авункулата или экзогамии. А поскольку даты, очевидно, установить нельзя, то не может быть речи и о последовательном историзме в этнографической науке. Неясен для т. Бутинова также вопрос о связи между народом и культурой: тождественны ли они? Археологи ставят эту проблему в план своих исследований, этнографы же не уделяют ей внимания. Между тем, это весьма важная методологическая проблема, в частности для реше-

ния вопроса об этногенезе какого-либо народа на основании этнографических данных о его культуре.

После Н. А. Бутинова в порядке прений выступил С. П. Толстов, специально остановившийся на задачах советской этнографии и на вопросе о конкретно-историческом подходе к этнографическим исследованиям. Он указал, что в Советском Союзе наступил принципиально новый этап в развитии этнографической науки по сравнению со всей мировой этнографической наукой; это выражается как в том, что она базируется на основах марксистско-ленинского учения об обществе, так и в методике исследований, отличительной чертой которой является конкретно-исторический анализ этнографических явлений.

В буржуазных странах народ очень мало интересует этнографов. Если это представители эволюционного направления, то они изучают общее развитие учреждений, явлений материальной и духовной культуры в отрыве от конкретных носителей и творцов этой культуры. Если это представители «школы заимствования» или «культурно-исторического» направления, то снова народ — творец и двигатель прогрессивного развития культуры — отступает на задний план: культура приобретает самостоятельную жизнь, мигрирует, диффундирует, распространяется или, наоборот, замыкается в себе. Общей чертой буржуазной этнографии, буржуазного космополитизма в этнографии является тот факт, что народ, человеческое общество в его конкретно-этническом или национальном проявлении из исследований выпадает. Этнография здесь отрывается от конкретной истории народов, и исследователь получает полную свободу, исходя из своих вкусов, решать вопрос, что было раньше, что позже, что из чего развилось: предшествовал ли матриархат патриархату, возник ли прежде монотеизм, а затем политеизм или наоборот, и т. д. Пережитки такого состояния в науке до сих пор сказываются, например, в спорах об оленеводстве как древнейшей форме скотоводства, так как оленеводство кажется некоторым авторам более примитивным, чем другие формы скотоводства. Необоснованность таких суждений связана с тем, что фактическая историческая последовательность явлений не устанавливается.

Возможно ли в области этнографии установить эту историческую последовательность явлений? Несомненно, возможно. Хотя по целому ряду проблем мы еще не располагаем необходимым для этого материалом, но объективно достижение этих знаний возможно, и будет время в развитии нашей науки, когда мы сможем сказать, когда и где, в какой последовательности возникли те или другие общественные институты. Наша наука развивается в направлении познания этих фактов. Уже сейчас по целому ряду народов мы имеем вместо сравнительно-компаративистских построений конкретно-исторические данные, основанные на изучении архивных данных, археологических материалов, сопоставляемых с этнографическими; устанавливается при помощи археологии время появления типа одежды; имеются хронологические вехи для отраженных в первобытном искусстве форм верований, например, тотемизма, и этот материал привлекается для решения проблемы возникновения тотемизма и, следовательно, первичных форм экзогамии и родовой организации. Конечно, когда речь идет о первобытном обществе — эпохи палеолита, неолита и т. д., не приходится говорить о веках и годах, но хронологически вехи — в пределах тех категорий, которыми оперирует геология, — могут быть установлены и для общественных явлений. Так, в результате работ археолога Ефименко стало возможным сделать выводы о бытовании матриархальных форм рода и тотемизма в верхнем палеолите; таким образом эти явления оказываются почти синхронными появлению современного типа человека. Совершенно по-иному, чем это делают компаративисты, разрешает советская этнография проблему оленеводства. На основе историко-этнографических исследований восстановлены основные вехи этногенеза современных оленеводческих народов Севера, появившихся здесь в качестве сравнительно поздних поселенцев и слившихся с местными охотничье-рыболовными племенами. Исторические факты не позволяют говорить об оленеводстве как древней форме скотоводства; все известные формы оленеводства возникли и развились в первом и втором тысячелетии нашей эры, — это абсолютно доказано. Последовательный историзм не должен перерастать в отказ от исследования явлений, которые сейчас еще не могут быть хронологически определены. Однако этнограф является историком, разрабатывающим лишь особые проблемы истории. Он обязан владеть всеми основными методами исторического анализа, уметь оперировать археологическим материалом, архивными документами и т. д.

Далее С. П. Толстов разъяснил поставленный Н. А. Бутиновым вопрос о связи понятий культура и народ, этнос. Он заявил, что если для археологов эта связь является проблемой, поскольку они имеют дело с давно исчезнувшими народами и стоят перед задачей восстановить народ по памятникам его культуры, — у этнографов положение другое; они имеют дело с народами, обладающими определенной, созданной в течение веков культурой. Культура не отделима от народа, поскольку она является созданием народа и отражением его истории. Этот вопрос достаточно хорошо освещен классиками марксизма и не представляет собой особой проблемы для этнографии.

Затем С. П. Толстов остановился на проблеме методики этнографического изучения современности, отвечая гг. Абрамзону и Стратановичу. Он согласился с мнением о необходимости, помимо монографического изучения колхозов, поставив тематиче-

ское изучение отдельных проблем, в частности, вредных для социалистического строительства пережитков, в борьбе с которыми этнографы могут оказать большую пользу местным организациям. Но это не снимает задачи комплексного изучения культуры и быта колхозов разных национальностей, так как на данном этапе важное значение имеет исследование именно комплекса народного быта в конкретных социалистических коллективах различных национальных республик.

Выступивший затем проф. С. А. Токарев, согласившись с высокой оценкой С. П. Толстовым научных достижений в области вопросов этногенеза, указал на необходимость шире привлекать собственно этнографические данные для решения проблем этногенеза. Остановившись на вопросе о многотомнике «Народы мира», С. А. Токарев указал, как на основные недостатки в подготовке тома «Народы Америки», на отсутствие обобщающих статей и на то, что статьи, посвященные отдельным народам, разрознены, не сведены воедино. Те же недостатки имеются в томе «Народы Кавказа», статьи которого, пестрые по стилю и структуре, страдают эмпиризмом и отсутствием обобщений или неудачными обобщениями. Он подтвердил, что для успешного завершения тома «Народы зарубежной Европы» необходимо укрепить авторский коллектив. По вопросу о критике зарубежной реакционной литературы С. А. Токарев выразил пожелание, чтобы дирекция Института и редакция «Советской этнографии» взяли на себя организацию этого дела и, обеспечив библиографическую работу, давали задания авторам или авторским коллективам о написании обзоров и рецензий. Таким путем, по его мнению, постановка критической работы будет обеспечена от случайности в подборе рецензируемых трудов, неизбежной при самотеке. По вопросу об историографии он указал на ряд затруднений, связанных с тем, что некоторые деятели русской науки на разных этапах своей жизни меняли политические взгляды, как, например, Кавелин. Следует различать заслуги ученого в разработке определенной научной проблемы и его общее научное мировоззрение в этот период от его позднейших взглядов. В заключение С. А. Токарев подчеркнул остроту вопроса о недостатке в Институте кадров специалистов по этнографии зарубежных стран.

В. Н. Белицер также уделила много внимания вопросу подготовке кадров, в частности указав на недостаточную ориентацию аспирантов Института этнографии в методике полевой работы и полное отсутствие у них элементарных знаний и практических навыков в области музейной работы. Полемизируя с т. Абрамзоном, она заявила, что придает большое значение при изучении современной культуры и быта монографическому исследованию колхозов; осуществление этой работы в текущем году дало т. Белицер весьма плодотворные научные результаты. Остановившись затем на форме отчетов и статей, помещаемых в «Кратких сообщениях» Института этнографии т. Белицер указала на их сухость и формальный характер; при подведении итогов полевых работ необходимо сообщать хотя бы кратко научные выводы автора, являющиеся результатом данного полевого исследования.

П. Е. Терлецкий основную часть своей речи посвятил значению статистического материала в этнографических исследованиях. В частности, для изучения изменений, происшедших за годы Советской власти в хозяйстве, семейных отношениях, культуре и быте народов СССР, совершенно необходимо широкое привлечение статистических данных о расселении, родном языке, возрастном и половом составе, составе семьи и т. д. Лишь опираясь на эти массовые данные, можно сделать правильный выбор объектов для монографического изучения. Пора теснее связать этнографические и статистические исследования. Статистический аппарат весьма разветвлен, и можно добиться выполнения им работ по специальным запросам Института этнографии АН СССР.

Т. А. Трофимова сообщила о состоянии и планах научных исследований в Секторе антропологии, который перестраивает свою работу после обсуждения итогов дискуссии ВАСХНИЛ на широком совещании, проведенном в Институте этнографии при участии основного контингента антропологов Советского Союза. В настоящее время Сектором ведется внеплановая работа по критическому разбору расовых теорий и по разработке ряда положений мичуринского направления в биологии применительно к антропологии. Характеризуя научные взгляды проф. В. В. Бунака, Т. А. Трофимова отметила, что свое заявление об отказе от прошлых теоретических ошибок (евгеника, формальная генетика, а затем статистическое направление в антропологии, уходящее корнями в идеалистические взгляды на расогенез) он сделал недостаточно четко и определено. До настоящего времени В. В. Бунак допускал колебания и ошибки, которые являлись причиной принципиальных разногласий между всем составом Сектора антропологии, с одной стороны, и проф. Бунаком, — с другой. В особенности резкими были разногласия по вопросу о классификации рас, непосредственно связанному с выполнением плановых заданий Сектора — завершением издания сборника «Антропологические типы Европы». Т. А. Трофимова отметила также, что проф. Бунак в своей работе не уделяет должного внимания трудам советских антропологов. Нельзя считать случайным факт, что книга Г. Ф. Дебеца, выпущенная из печати в 1948 г., не обсуждалась на Секторе, хотя были предложения об организации такого обсуждения.

О. А. Корбе остановилась на вопросе об этнографическом изучении современности, отметив, что в редакцию журнала редко поступают статьи на современные темы. А между тем, мы являемся счастливыми современниками величайшей в истории

социальной революции, принесшей полную революцию в экономике, быте, мировоззрении, в отношениях между людьми, и наша обязанность — зафиксировать процесс этой революционной перестройки. Это важно и для истории, и для понимания хода этого процесса и перспектив дальнейшего развития, и потому, что мы проделали первый в мире опыт, которому будут следовать другие народы. При этом процесс социалистического переустройства культуры и быта у отдельных народов носит своеобразные черты, ибо национальные различия, как писал Ленин, еще долго будут жить и после победы коммунизма во всем мире. Задача этнографов исследовать этот специфический. Непосредственной задачей этнографов является раскрытие на конкретном материале понятия культуры социалистической по содержанию, национальной по форме; многие авторы относят сюда такие явления, как замену кожаной посуды алюминиевыми кастрюлями у ранее кочевых народов или ношение белья северными народами, что является результатом роста благосостояния людей нашей страны в условиях социалистического строя, но само по себе отнюдь не определяет содержания понятия — социалистическая культура. Тов. Корбе отметила далее малочисленность поступающих в редакцию журнала теоретических статей, что указывает на необходимость привлечь внимание наших исследователей к теоретическим вопросам и активизировать разработку их в группе общей этнографии. В портфеле редакции имеется много материалов по шаманству, по пережиткам религиозных верований и обрядов, но все эти материалы носят чисто описательный характер, а обобщающих исследований по истории религии у нас нет. А ведь наша задача, изучая пережитки старого мировоззрения, помогать их теоретическому осмыслению и их изживанию. В области изучения прошлого многие поступающие в редакцию статьи страдают общим недостатком — отсутствием датировки; отошедшее в прошлое описывается в настоящем времени, в результате получается смешение разных эпох, искажение действительности, ее архаизация. За последнее время в редакцию поступил ряд статей, написанных по материалам экспедиции, имевших место 20 и более лет назад, т. е. до коллективизации, а об изменениях, происшедших с тех пор в результате победы социализма в нашей стране, — не говорится. В заключение т. Корбе выразила пожелание, чтобы было создано специальное совещание по вопросу об этнографическом изучении современности и чтобы программы монографического изучения колхозов в национальных республиках и областях были заблаговременно обсуждены.

В. В. Бунак в своем выступлении указал, что правильно отмечаемые на данном заседании недостатки научно-исследовательской работы Института этнографии не изменяют общего мнения о том, что некоторые труды Института стоят на большой теоретической высоте, изучение проблем этнографии получило большой размах и поднято на высокий теоретический уровень. Перейдя затем к работе Сектора антропологии, В. В. Бунак заявил, что завершение сборника «Антропологические типы Европы» тормозилось не вследствие теоретических разногласий, а из-за несвоевременной подготовки авторами, перегруженными другими работами, своих статей. Решения сессии ВАСХНИЛ, давшей новые отправные точки для разработки ряда методологических вопросов, В. В. Бунак рассматривает как творческое руководство для исследований, а не как сборник готовых рецептов для решения любой конкретной задачи в области биологии или антропологии. В частности, у него вызывает сомнения возможность правильного решения проблемы классификации рас в ближайший период времени. Даже в вопросе об изменении классификации животных и растительных организмов далеко еще не ясны позиции советского дарвинизма, тем более это сложно в отношении классификации человеческих антропологических типов; поэтому делать поспешные выводы было бы неправильно, окончательных суждений по данному вопросу мы на сегодняшний день не имеем. В. В. Бунак считает недостаточно объективным выступление Т. А. Трофимовой по поводу его теоретических взглядов. Признавая целый ряд своих ошибок, он не относит к их числу свои работы по изучению антропологических типов. В. В. Бунак считает несправедливым обвинение в игнорировании им советских антропологических исследований.

Выступившая затем Д. В. Найдич подробно осветила состояние работы Славяно-русского сектора над монографией «Восточные славяне», полемизируя с критиковавшими этот труд И. Ф. Симоненко и Н. Н. Чебоксаровым.

Председательствовавший на заседании М. Г. Левин признал справедливой критику основных недочетов в работе Института и специально остановился на некоторых из них. Недостаточно разрабатываются теоретические вопросы, касающиеся не только социальной организации, о чем уже говорили выступающие, но и вопросов истории религии, первобытного искусства, истории развития жилища, одежды и других элементов материальной культуры. Здесь задачи, стоящие перед советскими этнографами, особенно значительны, ибо, если в области изучения социальной организации имеется ряд серьезных марксистских исследований, то в области изучения материальной культуры таких работ почти нет и исследования, касающиеся развития жилища, одежды, часто следуют голый эволюционной схеме, отвергнутой советскими учеными. Совершенно недостаточно у нас обобщающих работ по этнографии отдельных крупных областей. Так, по этнографии Сибири имеется ряд зарубежных работ сторонников так называемой культурно-исторической школы, школы диффузионистов, для нас непримемлемых. Мы обязаны противопоставить им нашу методологию. Секторы Института, разрабатывая вопросы этнографии отдельных народов, должны уделять больше внимания обобщающим исследованиям.

Недочеты в изучении современности в значительной мере объясняются тем, что мы недостаточно последовательно проводили принцип историчности в этнографических исследованиях; последовательный историзм означает изучение явлений в их развитии, в их прошлом и настоящем. Этнограф, рассматривая те или другие явления, должен изучать их в динамике, вскрывать диалектику процесса, борьбу нового со старым. Это относится к изучению и материальной культуры, и семьи, и идеологии. Отрывать изучение старого от нового и наоборот — значит отойти от подлинного историзма в этнографическом исследовании.

В вопросах историографии, отметил далее М. Г. Левин, мы также констатировали ряд пробелов. Так, например, совершенно не освещена роль революционных русских демократов в развитии этнографии и особенно антропологии. Совершенно нет, например, работ, посвященных анализу взглядов Чернышевского по вопросам антропологии. М. Г. Левин указал на недостаточно критическое отношение и объективизм в своих собственных работах, посвященных истории русской антропологии.

Касаясь работы Сектора антропологии, М. Г. Левин отметил, что на заседании Сектора, состоявшемся после сессии ВАСХНИЛ, был вскрыт ряд серьезных методологических недостатков в работе советских антропологов и определены задачи, стоящие перед Сектором. Было бы грубой ошибкой механически переносить в антропологию те закономерности, которые вскрываются при изучении растительного и животного мира; это противоречило бы основным положениям советской антропологии, которая отводит важнейшее место социальным факторам в антропо- и расогенезе. На это справедливо указал профессор В. В. Бунак. Однако в выступлении В. В. Бунака прозвучали нотки неверия в наши силы. Задачи, стоящие перед антропологами, конечно, сложны, но они достаточно ясны, и антропологи найдут пути правильного их разрешения.

Касаясь недостатков «Кратких Сообщений» Института, М. Г. Левин сообщил, что редакция приняла решение изменить характер публикуемых экспедиционных отчетов с тем, чтобы в них были отражены теоретические вопросы, давалось освещение основных проблем, встающих в связи с полевыми исследованиями. Следует усилить в «Кратких Сообщениях» раздел авторефератов докладов, и задача секторов — представлять к печати наиболее интересные доклады.

В заключение М. Г. Левин указал, что пятилетний план Института предусматривает разработку ряда тем по общей этнографии, теоретических вопросов антропологии, обобщающие труды по отдельным областям — этнографические атласы, работы, посвященные критике буржуазной этнографии и т. д. Многие недостатки проистекают от отсутствия должного внимания к выполнению тем основного плана; путь к устранению многих недочетов лежит, в значительной степени, в неуклонном выполнении всего плана, к чему должны быть направлены все усилия руководства Института и его сотрудников.

В заключительном слове С. П. Толстов ответил на ряд выступлений по своему докладу, указав, что недостатки в научно-исследовательской работе Института, как это стало ясно из развернувшихся прений, можно разделить на две группы: одни являются более или менее случайными ошибками, которые, благодаря создавшейся в Институте атмосфере критики, бесспорно будут изжиты; другие являются результатом слишком медленного процесса теоретической перестройки некоторых сотрудников Института. Тов. Стратанович бросил упрек о непосильности задач, поставленных руководством Института перед его коллективом; но эти задачи окажутся непосильными лишь в том случае, если товарищи не перестроятся теоретически и не будут работать над собой. Неверно, что, например, у А. А. Попова, Л. Э. Каруновской и других из-за загрузки по многотомнику не хватает времени для теоретических исследований. Пора отказаться от эмпиризма, от объективизма и архаизма, которыми страдают статьи для многотомника и многие другие работы. Необходимо, чтобы каждый сотрудник осознал, что мы являемся борцами передовой линии идеологического фронта, творцами советской социалистической культуры; страна выдвигает огромные задачи перед советскими учеными, и нам предоставляются все возможности, чтобы вести работу, которая нужна стране, которая служит делу строительства коммунизма, а не ту, которая интересует только отдельных людей. «Наука для науки» — не наш лозунг. Неправ С. А. Токарев, считая, что дирекция и редакция должны просить наших руководящих специалистов писать критические статьи и следить вместо них за новой литературой. Сами специалисты должны знать новейшую литературу в своей области лучше кого бы то ни было, должны приходить в редакцию и просить поместить в печати их боевые рецензии на вызывающую возмущение макулатуру, выпускаемую зарубежными реакционными этнографами.

Остановившись на выступлении В. В. Бунака, С. П. Толстов высказал удивление, как мог проф. Бунак работать несколько лет редактором книги о расовом составе зарубежной Европы, до сих пор не считая возможным составление научно-правильной классификации рас? Необходимо самим разрабатывать насущные научные проблемы антропологии, а не ожидать, когда будут разработаны подобные проблемы зоологами и ботаниками или агрономами. Иначе у нас накопятся груды сырого материала вместо научных трудов. Классификация человеческих рас, обсуждавшаяся весной на Секторе антропологии, вызвала возражения одного лишь В. В. Бунака, противопоставившего свои взгляды всему коллективу сектора. С. П. Толстов высказал

уверенность, что советскими антропологами в ближайшее время будет выработана классификация рас, вполне соответствующая нашим материалистическим представлениям на процессы антропогенеза и расогенеза.

Переходя к вопросу об этнографическом изучении процессов социалистического строительства, С. П. Толстов наметил программу исследований в этой области. Так, например, насущной задачей советских этнографов является изучение проблемы национальной консолидации в условиях советского строя; проблемы расселения; проблемы становления новых форм семьи; необходимо подвести научные итоги некапиталистического развития некоторых народов нашей страны, изучить вопрос о новых формах хозяйства народов СССР, развивающихся в условиях социалистического строя (например, переход от кочевания к стойленному скотоводству и т.п.); весьма важны и не разработаны еще с точки зрения этнографии проблемы народного искусства, народной архитектуры. Соглашаясь с гг. Абрамзоном и Стратановичем в необходимости выявлять уродливые пережитки прошлого и тем оказывать помощь руководящим местным организациям, С. П. Толстов указал, что нельзя к этой задаче сводить работу этнографа: более важной стороной вопроса является выявление тех прогрессивных процессов, которые сейчас происходят в жизни национальной колхозной деревни. Если некоторые товарищи в процессе своих полевых исследований не видят колоссальных достижений, не умеют видеть новое, а видят лишь отрицательные стороны быта, пережитки,— это означает, что у них плохо ориентированный взгляд. Надо помочь им правильно поставить исследования.

В отношении работы над проблемой этногенеза С. А. Токарев, по мнению С. П. Толстова, неправильно указывает на пассивность этнографов; все исследования в данной области сконцентрированы в Институте этнографии и вокруг журнала «Советская этнография», организовавшего авторский коллектив. По этой линии отстает, главным образом, лингвистика, хотя эта наука должна занимать одну из ключевых позиций в вопросах этногенеза, ибо становление народа неотделимо от становления его языка. Приходится констатировать, что лингвисты отступают от традиций Марра в вопросе этногенетических исследований, прежде всего хотя бы потому, что вообще перестали ими заниматься, «передоверив» их зарубежным буржуазным языковедам.

С. П. Толстов указал, что в историографических работах следует брать за образец труды классиков марксизма, которые умели, касаясь того или иного автора, если этот материал был необходим, охарактеризовать данного автора всесторонне: так, Энгельс, указав на Бахофена как на автора открытия, имеющего величайшее историческое значение, нашел место в своей книге, чтобы показать и реакционные установки того же Бахофена, идеалистические и мистические основы его взглядов.

С. П. Толстов закончил свою речь выводом о плодотворности проведенного широкого смотра работ Института с точки зрения их идеологической и методологической направленности и соответствия их тем задачам, которые ставит перед Институтом строительство коммунизма в нашей стране. Дирекция внимательно изучит выступления и примет все меры, чтобы изжить вскрытые недостатки и создать предпосылки для осуществления тех пожеланий, которые были высказаны выступающими.

Т. А. Жданко